

Л. А. ПЕРЕПЕЛИЦЫНА

М. А. ДИКАРЕВ КАК ЭТНОГРАФ

Перед советской фольклористикой стоит неотложная задача — создание труда по историографии этой науки. Потребность в таком труде ощущается тем сильнее, что прежние немногочисленные попытки в этом направлении — «История русской этнографии» А. Н. Пыпина и работа С. В. Савченко «Русская сказка» — сильно устарели.

Раздел «Историография фольклористики» имеется в учебнике для высших учебных заведений Ю. М. Соколова, но и в этой, наиболее поздней в области историографии работе автор мало останавливается на трудах русских собирателей и исследователей. Между тем действительность наша выдвигала многих скромных тружеников-патриотов, руководимых бескорыстным стремлением спасти от забвения художественные произведения, созданные самим народом и в течение долгих лет собиравших фольклорные материалы. Это были большей частью представители демократических низов: сельские учителя, дьячки, грамотные крестьяне из бывших солдат.

Но не все собиратели фольклора ограничивались только накоплением материала; многие стремились в меру своих познаний и способностей исследовать их.

Одним из таких скромных, необыкновенно трудолюбивых собирателей и исследователей был Митрофан Алексеевич Дикарев.

«Жизнь безжалостно распорядилась с человеком, имевшим, несомненно, достаточный запас духовных сил, чтобы стать в ряды заметных представителей науки», — писал о нем историк Кубани Ф. Щербина¹. Имя М. А. Дикарева осталось незаслуженно забытым в истории науки, несмотря на внесенный им вклад в этнографическое изучение русского и украинского населения южных губерний России.

М. А. Дикарев родился в 1854 г. в с. Борисовке Борисовской волости Валуйского уезда Воронежской губернии. Сын дьякона, он начал учиться в Бирючинском духовном училище, затем поступил в Воронежскую духовную семинарию, но, исключенный из третьего класса, так и не получил даже законченного среднего образования². Обширные знания, которые сказываются в его исследовательских трудах, он приобрел самоучкой. Среди людей, окружавших его, сложилось представление о нем, как о замкнутом, даже скрытном человеке, а между тем в кругу немногочисленных друзей и особенно детей нередко раскрывались и другие его качества: он мог быть и веселым, и откровенным, и разговорчивым³.

Долгие годы перебивался М. А. Дикарев, работая вольнонаемным писцом в Воронежском статистическом комитете, живя в постоянной нужде.

¹ Ф. Щербина, Памяти Дикарева, «Воронежский телеграф», 1899, № 150.

² В. М. Сысоев. Краткое слово, посвященное М. А. Дикареву, «Изв. об-ва любителей изучения Кубанской обл.», вып. II, 1900, стр. 232—234.

³ Л. Мельников, М. А. Дикарев (Некролог), «Кубанские областные ведомости», 17 ноября 1899 г.

Только в 1890 г. он был принят на службу в Воронежское губернское правление и откомандирован в Воронежский статистический комитет.

Статистический комитет направлял М. А. Дикарева в длительные поездки по губернии с целью всестороннего изучения края. Собирая статистические сведения, М. А. Дикарев одновременно изучал народные обычаи, приметы, сказания. Он с восторгом отзывается в своих письмах об этом периоде своей жизни.

В 1893 г. М. А. Дикарев оставил Воронеж и переехал на Кубань. К этому времени он уже напечатал несколько работ, обративших внимание таких ученых, как В. Ягич, Е. Будде, Е. Ляцкий. Несмотря на это, в Екатеринодаре, где он поселился, его приняли всего лишь на должность младшего делопроизводителя Кубанского областного правления.

Занятый хлопотливой и неблагодарной работой, живя впроголодь, М. А. Дикарев тем не менее с огромным энтузиазмом изучал быт и фольклор казаков Кубани, предки которых — украинцы — пришли сюда из Запорожской Сечи. На Кубани, как и в Воронежской губернии, внимание Дикарева привлекали взаимовлияния в языке и быте украинцев и русских.

В 1898 г. М. А. Дикарев, заняв место архивариуса Кубанского областного правления, получил доступ к архиву фонда кошевых атаманов и фонда войсковой канцелярии Черноморского казачьего войска. Но, к сожалению, работа в архиве продолжалась недолго. М. А. Дикарев заболел и 14 ноября 1899 г. скончался в городской больнице, в возрасте всего 45 лет.

И. Я. Франко писал о жизни М. А. Дикарева, прошедшей «в такой невольничьей, убийственной работе за кусок хлеба, среди такого мертвого и апатичного окружения, что просто нужно очень удивляться, как мог покойник среди подобных обстоятельств не то что приобрести собственным трудом такой для самоучки широкий круг знаний, но вообще, как у него хватило энергии, бодрости духа и свежести мысли для такой большой и разносторонней работы... о которой свидетельствует его рукописное наследство»⁴.

Заслуженная оценка его деятельности пришла слишком поздно. Похороны Дикарева отличались многолюдностью, на гроб были возложены венки, панихиду пел войсковой хор певчих⁵. Во многих журналах и газетах были напечатаны некрологи. Автор одного из некрологов задает вопрос: «Почему же этому человеку, стоящему головой выше многих других, не нашлось не только надлежащей обстановки для беспрепятственной научной деятельности, но места для окончания образования в таком заведении, как средняя школа? А между тем одно высшее учебное заведение в Галиции предлагало Митрофану Алексеевичу даже профессорскую кафедру»⁶. Этот вопрос звучит как обвинение всему царскому строю, при котором безвременно погибло немало талантливых людей, способных в благоприятных условиях сделать многое для науки.

* * *

Первый значительный труд Дикарева «Очерк Воронежского мещанского говора, сравнительно с украинско-русским наречием», напечатанный в 1891 г. в «Воронежском этнографическом сборнике», имеет и этнографическое значение. Он представляет собой большое собрание пословиц, записанных фонетической транскрипцией. На этом материале Дикарев сделал попытку лингвистического анализа звуковых особенностей наречия

⁴ «Збірник Фільологічної секції Наукового т-ва ім. Шевченка», т. VI, Львів, 1903, стр. VII (перевод автора).

⁵ Заметка о похоронах М. А. Дикарева в «Кубанских областных ведомостях» от 18 декабря 1899 года.

⁶ Ф. Щербина, Указ раб.

населения Воронежской области, проведя сравнение с прилуцким говором украинского языка.

Будучи статистиком по профессии, Дикарев в своем исследовании делает попытку применить статистический метод при изучении звуковых явлений. Если не все выводы М. А. Дикарева в области лингвистики получили признание ученых, безусловную ценность представляют фольклорные записи, помещенные в «Очерке», хотя Дикарев был заинтересован собранным им богатым текстовым материалом только в качестве иллюстративного для своей в основном лингвистической работы. Это фактически два сборника: 1) русских пословиц и изречений (свыше 7000 текстов) и 2) украинских пословиц (до 500 текстов). В «Очерке» приведено также несколько песен, записанных в Острогожском уезде, и «Рассказ про хохлацкую свадьбу», который написал по просьбе автора уроженец Острогожской губернии, отбывший службу рядовой. Подбор текстов отражает их демократическую направленность.

Дикарев не смог полностью преодолеть ошибочных концепций современной ему академической науки. Находясь под сильным влиянием А. Н. Веселовского и А. А. Потебни, он увлекся компаративным методом, который привел его ко многим ошибочным выводам в его попытках исследования собранного им ценного материала.

Отзывы о первом труде Дикарева появились во всех крупных периодических изданиях за 1892 г.

Автор одной из рецензий на «Очерк Воронежского мещанского говора...» — Е. Ляцкий, рассматривая фольклорные материалы «Очерка», отмечает как серьезный недостаток исследования то, что ко многим пословицам даны латинские, греческие, французские и немецкие параллели, но почти не встречается сопоставлений с другими русскими собраниями пословиц. Недостатком Ляцкий считает и повторение одних и тех же пословиц⁷. Однако, по мнению Ляцкого, «указанные выше незначительные недостатки несколько не умаляют серьезно-научного значения рассмотренного «Этнографического сборника»⁸.

Работы М. А. Дикарева «Малорусское слово «паляница» и греческое «πελαγος» и «Апокрифы, собранные в Кубанской области», остались незаконченными и были опубликованы посмертно⁹.

В первой работе автор пытался установить связь между некоторыми украинскими обычаями, бытовавшими до конца XIX в., и древнегреческими обрядами.

Во второй работе приведены тексты шести апокрифов, собранных Дикаревым в Кубанской области: «Сон богородицы», «Иерусалимский лист», «Иерусалимский свиток», «Страсти господни», «Великая пятница», «Бракская небесная эпистолия». В обширном предисловии к этим текстам автор путем сравнительной филологии пытается доказать, что христианские религиозные воззрения, отраженные в апокрифах, имеют непосредственную связь с древним языческим культом у восточных славян.

Наибольшую ценность из фольклорного наследия Дикарева имеют фольклорные тексты, собранные им среди русских и украинцев в Воронежской области и на Кубани.

Записывая сказки, приметы, поверья, легенды, Дикарев стремился не только сохранить произведения народного творчества. Он старался проникнуть в психологию народа, особенно таких периодов, когда возникали

⁷ Следует оговорить, что Дикарев сознательно допускал такие повторения, полагая, что если хоть одно новое слово попадает в пословице, это имеет значение для лингвиста.

⁸ Евг. Ляцкий, М. А. Дикарев. «Воронежский этнографический сборник», «Этнографическое обозрение», 1892, № 2—3, стр. 11—15.

⁹ Часть первой работы в виде статьи под этим заглавием была напечатана в журнале «Киевская старина» (книга X, 1899, стр. 39—49); вторая статья — в «Юбилейном сборнике в честь В. Ф. Миллера», М., 1900, стр. 78—99. Рецензию на эту статью см. в журнале «Киевская старина», книга VII—VIII, 1900, стр. 31.

стихийные бедствия (голод и холера 1891 и 1892 гг.), порождавшие много толков. «Этот момент является удобнейшим для сравнительного изучения народной психологии по каждой отдельной местности. Пропустить такой момент без всякого внимания было бы непросительным равнодушием не только для этнографа, но и для всякого, кому дороги интересы науки и культурного развития народа», — писал Дикарев в вступлении к составленной им программе по собиранию фольклора¹⁰.

Следует отметить, что и в этой программе нашли отражение лингвистические интересы автора. Он рекомендует при собирании фольклора отмечать фонетические особенности произношения, йотацию гласных звуков, сочетания палатальных согласных с непалатальными, фиксировать ударения, отмечать долгие гласные в многосложных словах.

Две статьи Дикарева посвящены «царским загадкам» — слухам, ходившим в народе по поводу коронации¹¹.

Много занимался Дикарев и сказками. Большой рукописный сборник сказок, собранных Дикаревым, представленный в рукописи в 1890 г. в Цензурный комитет, подвергся запрету. Первый сборник его сказок был опубликован во Львове в 1895—1896 гг. В этом сборнике, названном «Черноморські народні казки й анекдоти», помещено шесть кубанских легенд религиозного содержания и десять кубанских сказок. Среди сказок одна волшебная («Попівна-цариця, Іван Іванович, руський царевич і прикрасна Анастасія»), а остальные — бытовые. После каждого текста помещены «параллелі й уваги». Автор сравнивает кубанские тексты с украинскими вариантами. Во втором сборнике сказок помещено 39 текстов¹².

Большое собрание сказок Дикарева под названием «3 народніх уст» было запрещено царской цензурой. Вместе с другими сочинениями, не разрешенными к печати, оно поступило в Санкт-Петербургскую публичную библиотеку. В библиотечном отчете за 1899 год составитель отчета пишет: «За самыми незначительными исключениями сочинения эти в научном или литературном отношении не представляют значения»; в числе этих «исключений» он называет и сборник Дикарева¹³.

К сожалению, этот сборник до настоящего времени не извлечен из архива, тогда как, надо полагать, он, несомненно, представляет интерес для изучения как украинского, так и русского фольклора.

Из работ Дикарева, посвященных календарным обрядам, нужно назвать статьи: «Різдвяні сьвятки в станиці Павлівській Ейського одділу на Чорноморії»¹⁴, «Рождественские святки»¹⁵, «Великдень на Україні и Чорноморії»¹⁶.

Две последние статьи представляют собой фрагменты из подготовленной им работы о народном календаре, в которую входило изучение обрядов и примет, связанных со всеми календарными праздниками.

Описывая обычаи, обряды и приметы, автор пытается и объяснить их. Он рассказывает, например, об украинском обычае, записанном им в Плосках Дубенского уезда: хозяин прячется за грудой пирогов, уставленных на столе, дети якобы не видят его. Отец прибавляет: «Дай боже, щоб завше не бачили». Дикарев отмечает: «Точно такой же обряд совершался когда-то и у прибалтийских славян». Далее, ссылаясь на труд

¹⁰ М. Дикарев, Программа для этнографического исследования народной жизни в связи с голодом и холерой, «Кубанский сборник», т. III, Екатеринодар, 1894, стр. 451.

¹¹ М. Дикарев, О царских загадках, «Этнографическое обозрение», 1896, № 4, стр. 1—64; Его же, Народная гутірка з поводу коронації, «Етнографічний збірник», т. V, Львів, 1898, стр. 1—24.

¹² «Етнографічний збірник», т. II, 1896.

¹³ «Отчет Публичной библиотеки», СПб., 1903, стр. 104.

¹⁴ М. Крамаренко (Дикарев), Різдвяні сьвятки в станиці Павлівській Ейського одділу на Чорноморії, «Етнографічний збірник», т. I, Львів, 1895.

¹⁵ «Кубанские областные ведомости», 1895, №№ 1, 3, 5.

¹⁶ Там же, 1897, № 84.

Н. И. Костомарова «Славянская мифология», он приводит описание обряда балтийских славян, сделанное Саксоном Грамматиком. Борясь против барски-пренебрежительного отношения к народу, обряды и поверия которого представители буржуазной науки рассматривали как подтверждение дикости и темноты народа, Дикарев пишет: «Ми звикли обвинувачувати простий народ в неучтві та дикости з поводу його звичаїв та забобонів». Он указывает, что те же приметы и суеверия, связанные с празднованием Нового года, можно обнаружить у «освічених міщан» и как параллель описанному обычаю приводит примету, — как встретишь Новый год, так его и проведешь. «Але обрядність так буде обрядністю, чи ми будемо стрівати новий рік в убогій пустці перед дзеркалом, чи в многолюднім фешенебельнім клубі з шампанським у руках»¹⁷.

Все работы Дикарева по изучению народного календаря представляют ценность и для современного исследователя истории, религии и атеизма. Пережитки магических верований Дикарев вскрывает в обрядовой поэзии и обрядах, бытовавших в конце XIX века.

В результате длительной работы он свел в одно целое и даже переписал начисто «Народный календарь», но увидеть труд напечатанным ему не довелось. Вместе с другими работами «Народный календарь» оказался в Научном т-ве им. Шевченко в Львове. Сюда были пересланы из Екатеринодара (по всей вероятности, Л. Мельниковым) все материалы, оставшиеся после Дикарева. Общество поручило своему члену И. Я. Франко разобрать эти материалы и подготовить их к изданию. Работы Дикарева были изданы Франко в специальном сборнике и с его предисловием¹⁸.

Франко разделил материалы Дикарева на три группы: 1) материалы для украинского словаря — около 800 карточек, 2) работы в области фольклора и мифологии и 3) работы в области лингвистики.

В большой вступительной статье И. Я. Франко дает критический анализ подготовленных им к печати работ Дикарева, оставшихся после смерти автора в незаконченном виде, а иногда представлявших собой лишь наброски. Он указывает на ограниченность научных представлений Дикарева, на его пристрастие к компаративному методу. Однако Франко подчеркивает необыкновенную старательность, с которой Дикарев собирал материал, отмечает большую ценность этого материала, ставит ему в заслугу поиски новых путей. «Дело каждого продолжателя („наступника”), — писал Франко, — найти в трудах предшественника зерна правды и развивать их далее. И мы надеемся, что работники... найдут и в этих отрывочных трудах покойного Дикарева не одно такое золотое зерно, и ради этих зерен не будут удивляться его ошибкам, от коих не гарантирован никакий ученый»¹⁹.

Труды М. А. Дикарева были известны не только русским и украинским ученым, но также и французским и немецким специалистам, с которыми он состоял в переписке.

Эти труды, особенно содержащийся в них огромный фольклорный материал, подбор которого носит отпечаток демократической направленности собирателя, не утратили своего значения и теперь, когда исполнилось столетие со дня рождения М. А. Дикарева. Дело советских фольклористов — позаботиться об опубликовании фольклорного наследия одного из прогрессивных русских собирателей, как изданных материалов, сборники которых уже стали библиографической редкостью, так и, в особенности, его рукописного собрания сказок, хранящегося в архиве Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

¹⁷ М. Крамаренко (Дикарів), Різдвяні святаки... на Черноморії, стр. 20—21.

¹⁸ «Посмертні писання Митрофана Дикаріва з поля фольклору і мітології», «Збірник Філологічної секції Наукового т-ва ім. Шевченка», т. VI, Львів, 1903.

¹⁹ Там же, Предисловие, стр. XI (перевод автора).

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ М. А. ДИКАРЕВА

Очерк Воронежского мещанского говора сравнительно с украинно-русским наречием, «Воронежский этнографический сборник», изд. Воронежского статистического комитета, Воронеж, 1891.

Программа для этнографического исследования народной жизни в связи с голодом и холерой, «Кубанский сборник», Екатеринодар, 1894, т. III.

Рождественские святки. Отрывки из малорусского народного календаря, «Кубанские областные ведомости», 1895, №№ 1, 3, 5.

Різдвяні святки в станиці Павлівській Ейського oddілу на Чорноморії, «Етнографічний збірник», т. I, 1895, стр. 1—24 (под псевдонимом М. Крамаренко).

Чорноморські народні казки й анекдоти, «Етнографічний збірник», т. II, 1896, стр. 1—50.

О царских загадках, «Этнографическое обозрение», 1896, № 4.

Поправки до статі «Різдвяні святки», «Етнографічний збірник», т. II, 1896.

Великдень на Україні і Чорноморії, «Кубанские областные ведомости», 1897, № 84.

Народня гутірка з поводу коронації, «Етнографічний збірник», т. V, 1898.

Малорусское слово «паляница» и греческое «πελαγοζ», «Киевская старина», т. X, 1899.

«Посмертні писання Митрофана Дикаріва з поля фольклору й мітології», «Збірник Філологічної секції Наукового товариства ім. Шевченка», Львів, 1903; Зміст: Передмова (Ів. Франко); Знадоби до української народної ботаніки; Де-що про вербу яко символ в українській пісні; Кого треба розуміти під Рахманами і ідентичними їм русалками; Великий бог Микола; Мітологічні уривки; Пояснення до Колядок; Уривки з греко-славянської мітології.

Апокрифы, собранные в Кубанской области, «Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера» (под ред. Н. А. Янчука), М., 1900, стр. 78—99.

Программа до збирання відомостей про громаді збірки сільської молоді (Со вступительной статье). Напечатано не было. Дикарев прислал эту программу Науковому товариству ім. Шевченка для помещения в I томе «Матеріалів для українсько-русской этнології».

РЕЦЕНЗИИ НА РАБОТЫ М. А. ДИКАРЕВА

Евг. Будде. М. А. Дикарев. «Воронежский этнографический сборник». Изд. Воронежского статистического комитета. Воронеж, 1891, «Русский филологический вестник», т. XXVII, вып. XIV, 1892.

V. J a g i ć. Archiv für slavische Philologie, Berlin, 1892, V. XIV.

Евг. Ляцкий. М. А. Дикарев, «Воронежский этнографический сборник». «Этнографическое обозрение», 1892, № 2—3.

Литературное обозрение. М. А. Дикарев. «Воронежский этнографический сборник». Изд. Воронежского статистического комитета. Воронеж, 1891, «Вестник Европы», 1892, № 7.

А. Степович. «Воронежский этнографический сборник», Воронеж, 1891, «Русская мысль», 1892, № 6.

В. Д. Рецензия на труд М. Дикарева «Апокрифы, собранные в Кубанской области», «Киевская старина», 1900, кн. VII—VIII.

К. Михальчук. Статистика в области диалектологии. «Киевская старина», 1893, кн. V, стр. 334—353.

НЕКРОЛОГИ

Заметка о похоровах М. А. Дикарева, «Кубанские областные ведомости» от 18 декабря 1899 года.

М. Грушевський. Митрофан Дикарів (Некрологічна звістка). «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. XXXIII, 1900, стр. 5—6.

Л. Мельников. Памяти М. А. Дикарева, «Кубанские областные ведомости», 1899, № 246.

М. Сысоев. Краткое слово, посвященное М. А. Дикареву, «Изв. общества любителей изучения Кубанской области», 1900, № 2.

Ф. Щербина. М. А. Дикарев, «Киевская старина», кн. XII, 1899.

Ф. Щербина. Памяти М. А. Дикарева, «Воронежский телеграф», 1899, № 160.